УДК 316. 343. 622

АЛЕКСАНДР РАХМАНОВ,
кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии ГВУЗ "Киевский национальный экономический университет имени Вадима Гетьмана"

Социальные предпосылки и способы создания капитала крупных собственников Украины

Аннотация

В статье рассмотрена проблема социальных предпосылок субъектности собственников крупного капитала Украины. Эмпирическим путем установлен факт довольно умеренной доли (26,2%) номенклатурного происхождения капиталов, приобретенных крупными собственниками Украины. Напротив, к приватизации предприятий в большей мере были причастны бизнесмены, "сделавшие сами себя" (43%). О политической вовлеченности крупного капитала свидетельствует то, что 41,8% крупных собственников являются либо были депутатами парламента страны, а около 60% имеют опыт политической или государственной деятельности. Среди крупных собственников Украины 57% принадлежат к классу, который производит материальное богатство нации. В то же время к непроизводственному классу, представители которого оказывают разные нематериальные услуги, можно отнести 43% украинских капиталистов.

***Ключевые слова**: собственники крупного капитала, номенклатура, способы создания капитала*

Вступление

Возникновение класса капиталистов (крупной буржуазии) как собственников крупного частного капитала непосредственно обусловлено тем типом капитализма, который формируется в определенное историческое время и в определенном месте (имеется в виду цивилизационно-географическая принадлежность территории). Еще одним важным критерием становления слоя

крупных собственников[1] является их субъектность в политической и социально-экономической жизни страны. Это зависит от того, кто является социальными акторами (агентами, слоями и альянсами агентов), вовлеченными в процесс формирования капиталистических классов. Речь идет о том, что становление капитализма может происходить естественным путем, посредством слоя зажиточной буржуазии, стремящейся превратить сословную систему в классовое общество. При отсутствии развитой буржуазии внедрение капитализма может инициироваться политической элитой и интеллигенцией ради ускорения процессов модернизации и достижения конкурентоспособности собственной страны в мире. Разные агенты отличаются ценностями и сознанием, что приводит к различиям в дальнейшем развитии слоя собственников крупного капитала и в их положении в обществе.

Среди множества теоретических подходов, объясняющих формирование слоя капиталистов, выделяются несколько, оказавшихся действенными и практически значимыми. Среди этих подходов можно условно вычленить ряд теорий капитализма, которые в целом описывают классическую западноевропейскую модель образования зажиточной буржуазии до утверждения капитализма; теории, постулирующие волюнтаристские модели внедрения капитализма, когда в условиях слабой буржуазии основными субъектами формирования капитализма становятся государство и интеллигенция; менеджеристские теории нового класса, описывающие нивелирование влияния крупных собственников, поскольку контроль над активами корпораций переходит к менеджерам; наконец, теории, которые описывают постсоциалистические трансформации, когда внедрение капитализма происходит “сверху”, однако различия в методах разгосударствления собственности и разный характер субъектов, осуществляющих рыночные преобразования, приводят к различиям в формировании крупного бизнеса. Однако научная проблема состоит в том, что существующие теории формирования капитализма применительно к проблеме субъектности собственников крупного частного капитала в Украине обнаруживают свои ограничения и обнаруживают дефицит знания о социальном происхождении и способах создания капитала крупных собственников Украины. Основная цель статьи — эмпирическое исследование социальных предпосылок и способов создания капитала крупных собственников Украины.

Теоретические подходы

К классическим западноевропейским теориям формирования капитализма можно отнести экономические и социальные учения А.Смита, К.Маркса, В.Зомбарта и М.Вебера. Общим для этих теорий является то, что

---

[1] Собственники крупного капитала — социальный слой, представители которого имеют прибыльные виды бизнеса, коммерческую недвижимость и ценные бумаги (акции и облигации). Согласно популярной в США модели классовой структуры Гилберта-Кала (Gilbert-Kahl Model of the Class Structure) к классу капиталистов следует относить лиц, чьи доходы в размере $2 млн и больше в год образуются в основном из прибыли на активы их собственности [Gilbert, 2010: p. 13–14]. По нашим оценкам слой собственников крупного частного капитала в Украине насчитывает примерно 0,3–0,5% взрослого населения, то есть 0,5–0,7% от общего количества украинцев (см. подр.: [Рахманов, 2012а]).

возникновение зажиточной буржуазии было первым необходимым шагом к капитализму [Смит, 1993; Маркс, 1955; Зомбарт, 1994; Вебер, 1994]. Поэтому *первоначальное накопление капитала* в руках частных лиц должно было предшествовать рыночному капитализму. Теория К.Маркса о переходе от феодализма к капитализму утверждала, что буржуазия формируется в лоне феодализма и является той социальной силой, которая смогла возглавить антифеодальную революцию. Именно зажиточная буржуазия была главным историческим актором, заинтересованным в свержении феодального строя и способным благодаря своим ресурсам воплотить это в жизнь. Отдельного внимания заслуживают исследование В.Зомбарта и М.Вебера, которые, изучая природу возникновения капитализма, обращают внимание на культурно-духовные аспекты капиталистических отношений.

Распространение капиталистической системы в XIX веке заставило промышленно отсталые страны вступить на путь форсированной модернизации. Задача улучшения своего положения в мировой торговле требовала внедрения капиталистических отношений в экономике и перенесения на собственую почву западных индустриальных технологий. Учитывая неразвитость класса крупных частных собственников, все эти новации вводили небуржуазные социальные агенты — чиновники, мелкопоместные дворяне или интеллектуалы, которые в большинстве своем находились под впечатлением полученного на Западе образования. Типология субъектов капиталистических преобразований в странах с запоздалой модернизацией отражена в концепции, предложенной Ю.Кокка. Он обратил внимание на социальных акторов, заинтересованных в исчезновении прежних статусных иерархий и способных возглавить проект становления классового общества. Кокка сравнил Западную, Центральную и Восточную Европу, выделив два типа буржуазии: зажиточный капиталистический класс, или экономическую буржуазию (*Wirtschaftsbürgertum*), с одной стороны, и просвещенный средний класс, или культурную буржуазию (*Bildungsbürgertum*), — с другой [Kocka, 1999: p. 192–207]. Оба класса были недовольны существующими статусными иерархиями и хотели жить в рациональной системе классовой стратификации. Построение капитализма в России XIX века могло стать возможным только в случае доминирования культурной буржуазии, поскольку слой экономической буржуазии был малочисленным и состоял преимущественно из иностранцев. Российская интеллигенция начиная со второй половины XIX века быстро увеличивалась численно и была заинтересована в модернизации и вестернизации своей страны. Что касается Центральной Европы, то здесь движущей силой внедрения капитализма стал альянс просвещенного среднего класса и класса собственников, где первые оказались ведущим партнером, поскольку были более многочисленными, имели более длительную историю и имели более сильные позиции в государственном аппарате и в университетах. В частности, в Германии во второй половине XIX века эти две группы вместе с членами семей составляли примерно 5–8% населения [Kocka, 1999: p. 193]. Однако культурная буржуазия не смогла бы достичь успеха без помощи класса собственников, пусть даже слабого. Более того, чем дальше культурная буржуазия продвигалась в воплощении капиталистических преобразований, тем более вероятным становилось вытеснение ее зажиточными частными собственниками.

Развитие капитализма во второй половине XX века привело к распространению такого типа корпораций, при котором возникает диффузия част-

ного капитала. Капитал индивидуальных частных собственников становится все меньшим, уступая менеджерам контроль в управлении производственным капиталом и власть в принятии стратегических решений. Некоторые ученые стали расценивать этот процесс как *"менеджеральную революцию"* и свидетельство формирования постиндустриального общества (см.: [Bell, 2000; Dahrendorf, 1972]). Родоначальниками этой концепции считаются А.Берль и Г.Минс, которые провели исследования количества крупных компаний. Они сформулировали проблемы отделения собственности от контроля и заявили о радикальном преобразовании капитализма: общество, в котором господствуют собственники, уступает место обществу, где власть постепенно сосредоточивается в руках управленцев. На высокой стадии промышленного развития и концентрации капитала благодаря широкому распространению акций среди населения контроль над крупными корпорациями полностью переходит в руки их органов управления. Положение держателей акций напоминает положение обладателей банковских вкладов. Чем больший капитал объединяет корпорация, тем в большей мере собственность в ней отделяется от управления. Собственники капитала интересуются скорее тем, какой дивиденд на вложенный капитал объявляют директора, нежели деятельностью компании [Berle, Means, 1991]. Таким образом, класс менеджеров легитимирует свой контроль над производством не благодаря институту частной собственности, а путем утверждения технократического или управленческого "ноу-хау".

Постсоциалистические преобразования в странах бывшего советского блока происходили в условиях, когда внедрение рыночных механизмов осуществляется при отсутствии класса частных собственников. Обычно эти преобразования инициировались "сверху". Разные методы разгосударствления экономики и неодинаковое восприятие обществами перехода от социализма к капитализму привели к различиям в характере субъектности разных слоев в постсоциалистических преобразованиях.

В странах Центральной Европы возник феномен, который называют *"построение капитализма без капиталистов"*. Авторы этой концепции И.Селеньи, Дж.Эял и Е.Тоунсли исходили из того, что переход к посткоммунизму представляет собой сдвиг от социалистической статусной иерархии к капиталистической классовой стратификации. Поэтому при отсутствии весомого слоя частных собственников в Центральной Европе (Польше, Венгрии и Чехии) социальным субъектом таких сдвигов стала интеллигенция, возложившая на себя историческую миссию построения буржуазного общества и рыночной экономики. Именно альянс диссидентской интеллигенции и позднесоциалистических технократов на основе идей гражданского общества и экономического рационализма оказался локомотивом рыночных трансформаций. Это позволило осуществить относительно прозрачную массовую приватизацию, что направило экономики этих стран в русло эффективной модернизации. В то же время открытость внешним инвестициям и возможность участия иностранного капитала в приватизации затормозили формирование национального крупного частного бизнеса. Хотя в этом случае, на первый взгляд, капитализм строился "сверху", авторы концепции склонны определять центральноевропейский случай как "капитализм извне", поскольку на внутренних рынках этих стран превалирует доля собственности иностранных инвесторов. Впрочем, концепция "капитализма без капиталистов" отнюдь не отрицает возможности формирования на-

циональных слоев крупных собственников, поскольку борьба за формирование прав частной собственности и классовых отношений должна соответствовать характеру сформированных капиталистических акторов [Селеньи, Эял, Тоунсли, 2008]. Источниками этого феномена является тот факт, что в экономиках центральноевропейских стран даже при социализме в значительной мере сохранились частный и кооперативный секторы в сферах торговли, услуг, строительства, мелкого производства. Поэтому рыночные институты развивались здесь гораздо быстрее, чем класс собственников. Несмотря на отсутствие класса собственников в Центральной Европе, переход к капитализму здесь происходил в условиях развитого гражданского общества. Антикоммунистические настроения населения и политика люстрации помешали коммунистической номенклатуре конвертировать свой политический капитал в экономический.

Согласно же теории *политического капитализма* (Я.Станишкис, Э.Ганкис) бывшая коммунистическая номенклатура[1] к 1988 году уже знала о предстоящем крахе прежнего коммунистического режима в странах советского блока. Поэтому она разработала схему конвертации политических должностей в личное обогащение и попыталась стать новой крупной буржуазией. Речь идет о том, что коммунистические руководители воспользовались своими политическими должностями, чтобы превратить общественные блага в собственное богатство, а фактически разворовали государственную собственность и образовали "клептократию" [Staniszkis, 1991; Hankiss, 1990]. Политический капитализм ориентирован на рациональное получение прибыли, однако он ограничен опекой или политическим вмешательством государства в экономическую систему. Именно нелегитимный процесс получения экономических активов заставляет номенклатурных собственников пребывать в координатах клиентистских отношений с политократией, а не в условиях свободной конкуренции. Институциональный или олигархический тип взаимодействия между государством и капиталом зависит также от специфики общества. По мнению О.Крыштановской, в обществах западного типа модернизации (*"экономических"* обществах) политические изменения были простимулированы классом собственников — наиболее активной частью общества. В *"политических"* обществах экономические акторы не представляли собой серьезную социальную силу. Главной разновидностью капитала был капитал политический, который не только приносил доход, но и был гарантом богатства. Размер доходов был связан с местом в политической иерархии. Экономическое развитие не только не было самодовлеющим и определяющим для политического процесса, а наоборот, детерминировалось политикой. Власть имущие, а не собственники экономического капитала, определяли приоритеты экономического развития. Политика стимулировала экономику, а не наоборот. В отличие от процесса западной модернизации в обществах этого типа происходила *стимуляция* экономического политическим. Политические общества отличаются от экономических тем, что в них получение богатства, как правило, следует

[1] Под номенклатурой понимается слой населения стран социалистического лагеря, который занимал разные ключевые административные должности в коммунистической партии, центральных и местных органах власти, промышленности, сельском хозяйстве, образовании, науке, медицине и т.п.

за получением власти, тогда как в экономических обществах наоборот — приход во власть становится возможным только после достижения определенного уровня благосостояния [Крыштановская, 2004: с. 5–6]. Таким образом, политическая субъектность собственников крупного капитала в "политических" обществах непостоянна и нестабильна.

Хотя теория политического капитализма представляла собой попытку смоделировать процессы стратификации в странах Центральной Европы, ее воплощение приобрело более выразительные черты в Восточной Европе. В таких странах, как Румыния, Болгария, Украина и, особенно, Россия, в условиях массовой приватизации бывшая советская номенклатура оказалась гораздо успешнее своих центральноевропейских коллег. Анализ процесса формирования и воспроизводства социального слоя собственников крупного капитала в России показал, что новый класс крупных частных собственников путем непрозрачной приватизации получил в свое распоряжение весомые ресурсы и относительную независимость от государства в 1990-х годах [Крыштановская, 2002b: с. 23]. Существенная часть советской политической номенклатуры, особенно комсомола, оказалась в рядах собственников. Чтобы четко сформулировать отличия в постсоциалистических трансформациях между Центральной и Восточной Европой, И.Селеньи, Дж.Эял и Е.Тоунсли, рассматривая результаты перехода от системы государственного социализма к капитализму в странах Центральной Европы как *капитализм без капиталистов*, характеризуют восточноевропейские посткоммунистические режимы как системы *капиталистов без капитализма* [Селеньи, Эял, Тоунсли, 2008: с. 208]. То есть появление слоя крупных собственников в большинстве постсоветских стран не завершилось созданием конкурентного рыночного общества; в итоге воцарилась коррупция, монополизация рынков при низкой производительности труда и сращение крупного бизнеса с властью. Общее номенклатурное происхождение новой крупной буржуазии и политического класса, стремящегося восстановить контроль в государстве над экономикой и политической жизнью, обусловило победу бюрократии в лице "силовиков", поскольку крупный бизнес из-за своего происхождения не мог противостоять наступлению государства. Вследствие этого в 2000-х годах российский бизнес был взят под контроль Кремлем. Некоторые наиболее влиятельные бизнесмены были изгнаны из России или оказались за решеткой. Утратив политическую субъектность, крупный бизнес стал заложником государства, которое по принципу лояльности либо поддерживает, либо наказывает крупных бизнесменов.

Стремительное формирование класса крупных собственников в Китае проходит также по сценарию теории политического капитализма. Так, согласно докладу исследовательской организации Hurun Research Institute, в 2010 году общее количество китайцев с доходами свыше 1 млрд юаней ($ 150 млн) составляло 1363, тогда как десять лет назад таких людей в КНР насчитывалось всего 24. Авторы исследования отмечают усиление связей китайских богачей с госструктурами — 173 юаневых миллиардера (12% списка) занимали должности советников при разных государственных структурах, что обеспечивало им дополнительные возможности по установлению контактов среди чиновников; 83 юаневых миллиардера являются депутатами Общекитайского собрания народных представителей; семь — делегатами XVII съезда Коммунистической партии Китая; треть юаневых миллиардеров — члены КПК [Hurun Rich List Series, 2010]. По данным С.Армстронга 91% китайских

миллионеров — дети действующих коммунистических чиновников страны. 70% богатств Поднебесной находится в руках 0,4% ее жителей [Цюпин, 2011; Armstrong, 2010]. Подобную статистику приводит Академия общественных наук КНР, в отчете которой указано, что более 90% долларовых миллионеров страны — дети чиновников компартии [Поднебесный бум, 2012].

Но несмотря на довольно весомое количество китайских богачей, говорить о субъектности китайского крупного бизнеса еще нельзя. Влияние государства на крупнейшие компании Поднебесной остается неоспоримым. У западных партнеров часто складывается впечатление, что реальный контроль над "частными" компаниями Китая принадлежит государству [На обід дракону, 2010]. Как отмечает С.Армстронг, "если вы посмотрите на Поднебесную и список самых богатых людей, ежегодно публикуемый журналом Forbes, а он составляет отдельные списки, например — миллиардеров Китая, то увидите, что самостоятельные олигархи, а не княжата (дети партийных функционеров) просто исчезают. Там его называют списком смертников" [Цюпин, 2011: с. 42]. Итак, собственники крупного капитала в таких странах, как Китай и Россия, являются не столько субъектами социально-экономических преобразований, сколько инструментом государства для распространения влияния на мировой арене.

Таким образом, анализ основных теорий формирования капитализма позволяет выявить некую исторически-цивилизационную закономерность (см. табл. 1).

Таблица 1

Теоретические подходы, объясняющие развитие капитализма

Концепции	Страны	Механизм	Субъект
"Капиталисты до капитализма" (А.Смит, К.Маркс, В.Зомбарт, М.Вебер)	Западная Европа, XVIII — начало XIX в.	Первоначальное накопление капитала	Экономический класс (буржуазия)
"Волюнтаристское внедрение капитализма" (Ю.Кокка)	Центральная Европа, Россия и Япония, вторая половина XIX в.	Запоздалая модернизация	Чиновники, военные, интеллигенция
"Капитализм после капиталистов" (А.Берли, Г.Минс, Й.Шумпетер, Д.Белл)	США и Западная Европа, вторая половина XX в.	Менеджеральная революция	Менеджеры
"Капитализм без капиталистов" (И.Селеньи, Дж.Эял, Е.Тоунсли)	Польша, Венгрия, Чехия, конец XX в.	Гражданское общество	Интеллектуалы и технократы
"Государственный капитализм" (Я.Станишкис, Э.Ганкис, О.Криштановская)	Россия, Китай, конец XX — начало XXI в.	Номенклатурная приватизация	Политический класс (номенклатура и "силовики")

В странах Запада формирование слоя буржуазии предшествовало зарождению капиталистических отношений, поэтому данный слой стал основным субъектом политических и экономических преобразований с конца XVII века. В странах Центральной и Восточной Европы внедрению капитализма наряду с немногочисленной буржуазией способствовала интеллиген-

ция и государственные круги. Постсоциалистические трансформации в Центральной и Восточной Европе отличались тем, что в Центральной Европе всесторонняя либерализация и вытеснение коммунистической номенклатуры привели к формированию рыночного общества со слабым национальным слоем крупных собственников. Тогда как в Восточной Европе сохранение влияния коммунистической номенклатуры нашло отражение в формировании слоя крупных собственников, сращенных с властью, а также в становлении коррумпированного, низкопроизводительного капитализма.

Различия в развитии постсоветских обществ повлекли за собой различия в характере субъектности крупных собственников в политической и общественно-экономической жизни. В условиях слабости демократических институтов крупные собственники в течение 1990-х годов превратились в основной субъект социально-экономических преобразований. Это произошло потому, что в постсоветских странах местная интеллигенция не сумела стать субъектом политических и социально-экономических трансформаций. В России по мере развития рыночных реформ интеллигенция постепенно маргинализировалась, в Украине — в основном сосредоточилась на процессе построения нации.

В то же время различия в процессах развития российского и украинского обществ наложили отпечаток на формирование слоев крупных собственников. Выйдя из недр старой номенклатурной элиты, слой крупных частных собственников России не превратился в отдельный, независимый социальный класс. Утратив инициативу в политической и экономической жизни, крупные собственники нивелировали собственную субъектность и оказались заложниками воли политического режима, возникшего на основании патерналистских и постимперских чаяний российского общества. Ключевым социальным фоном деятельности собственников крупных активов в условиях государственного капитализма является то, что власть до сих пор не сняла вопросов касательно последствий приватизации, общество не верит в то, что активы принадлежат этим собственникам окончательно, и, наконец, они сами уже не верят, что это им принадлежит. Все это наложило отпечаток на социально-психологический аспект владения собственностью, когда к крупным собственникам России пришло осознание того, что обладание приватизируемыми активами скорее условно [Явлинский, 2012]. В Украине, наоборот, в течение 2000-х годов борьба финансово-промышленных групп (ФПГ) за власть и ресурсы соотносилась с политико-электоральным расколом украинского общества, что позволяло крупным собственникам сохранять относительную субъектность в политических и социально-экономических процессах. Этому способствует рентоориентированность украинского общества, когда система “арбитр–клиент” воспринимается как легитимная, в результате чего политический режим использует искателей ренты в качестве своих агентов, разрешая за политическую лояльность отбирать определенную часть ренты в виде вознаграждения (подр. см.: [Дубровський та ін., 2010]). И речь здесь идет не только об олигархическом пути развития капитализма. Дело в том, что подавляющее большинство населения не видит преимуществ в рыночной координации в отличие от координации, осуществляемой арбитром. Поэтому люди требуют и ожидают перераспределения части ренты в свою пользу в виде вознаграждения за свою лояльность к правителю. Рентоориентированность и неконсолидированность украинского общества привели к тому, что крупные собственники

стали социальной основой переходного общества. В таких условиях совпали интересы коррумпированного чиновничества и нового крупного капитала, стремившегося обеспечить себе теневую ренту. Олигархическая система взаимоотношений власти и капитала способствовала и тому, что экономические трансформации в Украине создали ситуацию, когда на роль социальной основы общества может претендовать лишь тот немногочисленный слой населения, который один из всех получил выгоду от этих преобразований. В отличие от России, где общественный запрос привел к власти режим "силовиков" (представителей органов безопасности и военных) с харизматическим и популярным лидером, что нивелировало субъектность российских олигархов, в Украине общественно-политическое размежевание и отсутствие достаточных экономических ресурсов для повышения уровня благосостояния граждан не позволяют отдельной фракции политической элиты подчинить себе крупных частных собственников. Именно фактор слабоинтегрированности украинского общества, его недоверия к политическому классу и политическим институтам делает невозможными консолидацию власти и воспроизводство "российской" схемы замещения крупных собственников в социально-политической субъектности.

После избрания в 2010 году В.Януковича Президентом Украины была создана пропрезидентская коалиция в парламенте, после чего решением Конституционного Суда Украины возобновлено действие Конституции Украины 1996 года и восстановлена президентско-парламентская форма правления. На первый взгляд это было возвращение к модели сильного президента, равноотстоящего от основных ФПГ. Однако произошел классический захват государственной власти ключевыми ФПГ. В правительстве Н.Азарова ключевые позиции непосредственно достались собственникам крупного капитала. И хотя концентрация властных ресурсов вокруг института президента и политическая слабость оппозиционных сил заставляет остальных крупных собственников демонстрировать лояльность к провластной партии, все же ключевые фигуры украинского крупного бизнеса еще больше нарастили капитализацию собственного бизнеса, что свидетельствует об увеличении их экономического веса. В частности, приватизация ряда региональных облэнерго и угольных шахт в пользу Р.Ахметова, концентрация химической промышленности в руках Д.Фирташа — это лишь наиболее очевидные приобретения крупных собственников. Кроме того, несмотря на пророссийскую предвыборную риторику В.Януковича, бизнес-интересы ближайших к власти крупных собственников подталкивают Украину в сторону Европы.

Если исследования социально-профессионального прошлого российской бизнес-элиты фиксируют неоспоримую и преобладающую связь с партийной и хозяйственной номенклатурой советских времен в 1990-х годах [Крыштановская, 2002b: с. 23] и с "силовиками" в 2000-х [Kryshtanovskaya, White, 2003; Крыштановская, s.a.], то в отношении происхождения украинских крупных бизнесменов существуют лишь предположения. Как отмечает А.Пасхавер: "Среди новых капиталистов, без сомнения, номенклатура разбогатела, однако она не стала важнейшим действующим лицом в новом капитализме. А если мы посмотрим на наших крупных собственников, они не из номенклатуры. Они совсем новые люди. Кем был Виктор Пинчук при советской власти? Старшим научным сотрудником. А Ринат Ахметов? Охранником у уголовного авторитета" [Пасхавер, 2008: с. 18]. Впрочем, как

утверждает А.Зоткин, бизнес-сегмент правящей элиты Украины ведет свое происхождение преимущественно от номенклатуры и частично — от криминалитета [Зоткін, 2008: с. 113]. Н.Шульга также констатирует, что часть уголовной элиты трансформировалась в бизнес-элиту, но "даже при наличии доказательств принадлежности в минувшие годы определенных лиц к уголовной элите исследователь рискует перейти из категории ученых в категорию подсудимых" [Шульга, 2006: с. 27]. И даже если предположить, что большинство украинских крупных собственников имеют уголовное прошлое, то даже это будет указывать на неноменклатурный характер накопления капитала. Таким образом, можно предположить, что особенностью социально-политической субъектности крупных собственников Украины является феномен отсутствия весомой доли номенклатурного и "силового" происхождения капиталов.

Описание данных

Эмпирическая база сформирована на основе приведенных в справочнике "Кто есть кто в Украине" [Кто есть кто, 2007] и других справочниках биографий собственников крупного капитала Украины. Дополнительные биографические данные почерпнуты из других источников, в частности из интервью и официальных публикаций в СМИ. На первом этапе были отобраны только граждане Украины, большинство из которых в течение 10 лет входили в списки разного рода рейтингов самых богатых людей Украины. Эти рейтинги определяли авторитетные журналы — "Корреспондент", "Фокус", "Форбс". Кроме этого учитывался рейтинг самых богатых людей в каждой из областей Украины, который был опубликован в специальном выпуске "Региональные князьки и королькі" еженедельника "Комментарии" [Регіональні князьки, 2008]. Время сбора информации: июнь–июль 2012 года. В итоге был сформирован список из 337 человек.

Процедура и методика исследования

Для анализа биографических данных была разработана анкета с такими показателями, как пол, возраст, место рождения, социальное происхождение родителей, уровень образования, учебно-квалификационная специализация, отраслевая основа бизнеса, способы создания капитала и личный опыт государственной или политической деятельности за годы независимости.

Для выяснения способов создания капитала (прежде всего по биографии) определялось социальное положение отобранного лица во времена структурных преобразований в сфере собственности в течение 1989–1993 годов. Было выделено семь способов создания капитала. Первый способ предполагал, что человек на момент структурных преобразований был руководителем или заместителем руководителя советского предприятия, так называемым красным директором. Второй путь предполагал принадлежность к советской номенклатуре, в частности к руководителям звеньев в органах власти, разных сферах жизнедеятельности общества, включая силовые структуры (армия, КГБ (СБУ), милиция, прокуратура) и партийно-комсомольский аппарат. Третий — принадлежность к властной номенклатуре времен независимости. Четвертый способ предполагал принадлежность человека к силовым органам в годы независимости. Все эти четыре

способа отражают механизм номенклатурной приватизации, когда субъектом получения крупной частной собственности является политический класс (номенклатура и "силовики"). Пятый способ создания капитала предполагал наследование капитала в кругу семьи. И хотя этот способ означал наличие капитала, полученного иным путем, замечу, что родственные и семейные отношения достаточно сильно отличаются от номенклатурных и предполагают узкосемейную ответственность. Шестой способ — это создание бизнеса с нуля, то есть накопление первоначального капитала путем создания кооперативов, занятия мелким предпринимательством, челночной торговлей и т.п. И, наконец, седьмой способ создания капитала можно условно назвать "менеджеральным", поскольку речь идет о карьерном продвижении человека от руководителя подразделения до топ-менеджера компании в период независимости. Благодаря этому человек получал контроль над собственностью, а потом и саму собственность. Условность названия данного способа обусловлена отсутствием полной информации о процессе перераспределения собственности компании, в результате которого тот или иной человек становился крупным собственником.

Изложение результатов

Прежде чем приступать к анализу основной проблемы, приведу результаты исследования, касающиеся социально-демографических и образовательно-квалификационных характеристик собственников крупного капитала Украины. Как выяснилось, половое распределение свидетельствует в пользу мужчин: абсолютное большинство (97,3%) крупных собственников — мужчины, и всего лишь 2,7% — женщины. Средний возраст украинского капиталиста составляет 51 год. Если сгруппировать по возрастным когортам, то доля крупных собственников в возрасте от 31 до 40 лет составляет 11%, от 41 до 50 лет — 39,8%, от 51 до 60 лет — 32,9%, от 61 лет и старше — 16,4%.

Преимущественная часть крупных собственников родились в крупных городах Украины — 8,6% в Киеве и 36,2% в городе с населением свыше 250 тыс. Наряду с этим выяснилось, что в небольших городах родилось 15,7% из них, в селах — 21,7%. В то же время 17,8% крупных собственников родились на территории СССР за пределами Украины (12,5% — в городе, 5,3% — в селе). Учитывая весьма однородную поселенческую структуру в Советском Союзе, можно утверждать, что в целом в городе родились 73% крупных собственников Украины, тогда как в селе — 27%.

Если взять региональное распределение, то больше всего собственников крупного капитала принадлежат по происхождению к Центральному региону — 28,5%, тогда как к Востоку — 21,4%, к Югу — 17,2% и Западу Украины — 15,1%. Оставшиеся 17,8%, как отмечалось, родились за пределами Украины. Среди тех, кто родился в Украине, наиболее представлена Донецкая область — 15,9%, Киев — 10,1%, Днепропетровская область — 9,4% и Львовская область — 6,9%.

Почти все (96,4%) крупные собственники Украины имеют высшее образование, и только у 1,4% среднее образование, а у 1,2% — среднее специальное. Примечательно, что пятая часть (19,6%) крупных собственников Украины имеют также ученую степень кандидата наук, а 5,1% — доктора наук. Если принять во внимание расположение высшего учебного заведения, то 29,3% крупных собственников закончили вуз в Киеве и Киевской области,

11,8% — в Донецке и Донецкой области, 11,5% — в Харькове и Харьковской области, 10% — в Днепропетровске и Днепропетровской области, 6,2% — во Львове и Львовской области. Кроме того, 22,3% украинских капиталистов получили второе высшее образование.

Среди крупных собственников оказалось больше всего людей, получивших инженерно-техническую специализацию — 46,6%; почти пятая часть (19,2%) имеют общеэкономическую (экономика предприятия, менеджмент, маркетинг) специализацию; финансово-экономическую (финансы, банковское дело) специализацию имеют 13,4% крупных собственников.

Вопрос о влиянии социального происхождения на дальнейшее социальное положение индивида и его социальную мобильность остается дискуссионным. Речь идет о приобретенном в момент рождения признаке, характеризующем связь индивида с определенным социальным окружением на начальных этапах становления, социализации личности и ее социальной самоидентификации. Это социальное окружение преимущественно составляют родители и другие родственники. В традиционных и модерных обществах социальное происхождение играло большую роль в социальном, образовательном и профессиональном становлении человека. Однако в эпоху постиндустриального общества традиционные аспекты унаследованного культурного капитала, социальных связей, семейного интеллектуального воспитания, моральных предписаний, жизненных навыков утрачивают свое изначальное значение. В то же время в обществах с ярко выраженным социальным неравенством стартовые возможности, которые предоставляет первичное окружение, могут существенно дифференцировать дальнейшую жизнь индивидов.

В Советском Союзе графу “социальное происхождение” людям часто приходилось заполнять в разных документах и анкетах. На определенных этапах развития советского государства по этой графе происходил социально-классовый отбор людей на партийные или административные должности. Предпочтение отдавалось тем, кто в графе “социальное происхождение” указывал рабочее или крестьянское прошлое своих родителей. Для людей с иными категориями социального происхождения (интеллигенция, военные, духовенство, дворянство), напротив, дальнейшее продвижение по “социальной лестнице” оказывалось проблематичным. В дальнейшем существование двух основных социальных классов (рабочих и крестьян) и социальной прослойки (интеллигенции) частично нивелировало жесткость такого подхода, хотя во многих случаях, в частности при поступлении в вуз, сохранялась широкая квота (так называемая позитивная дискриминация) для соискателей с рабочим и крестьянским происхождением.

Возвращаясь к вопросу социального происхождения крупных собственников Украины, приходится, к сожалению, признать факт отсутствия информации о социальном происхождении в биографиях более чем половины отобранных фигурантов (см. табл. 2). О пропорциях социальных слоев в происхождении крупных собственников можно делать определенные выводы только на основании оставшихся отобранных биографий. Так, 23,2% указали служебный слой, определяя происхождение своих родителей, 8,6% — рабочее, 6,5% — крестьянское (колхозное) и 3% — номенклатурное происхождение. Из этой пропорции видно, что больше всего шансов стать крупным собственником вроде бы имели те, чьи родители были служащими. Впрочем, отсутствие информации о социальном происхождении больши-

нства собственников крупного капитала оставляет вопрос межпоколенческой мобильности открытым.

Таблица 2

Социальное происхождение (родители) крупных собственников Украины

Социальные слои	*N*	*%*
Рабочие	29	8,6
Крестьяне (колхозники)	22	6,5
Служащие (специалисты с высшим и средним специальным образованием)	78	23,2
Номенклатура (высшие компартийные и административные должности)	10	3,0
Другое	1	0,3
Нет данных	196	58,3

В раскрытии способов создания капитала важна отраслевая основа бизнеса крупных собственников. Во многих авторитетных ежедневниках, которые составляют ежегодные рейтинги самых богатых людей, часто подчеркивается преобладание миллиардеров и миллионеров, разбогатевших на базе первичной обработки сырья (металлургия), агробизнеса, перепродажи российских газа и нефти или добычи отечественного сырья (уголь, нефть, газ), что стало главными источниками создания крупнейших состояний в Украине. Однако результаты анализа биографий большого числа крупных собственников дают основания говорить о более широкой картине источников обогащения (см. табл. 3). К тому же не прослеживается явного преобладания какой-то одной сферы. Оказалось, что помимо агробизнеса, металлургии и горнодобывающей отрасли, значительные частные капиталы были сформированы также в финансово-банковской сфере (11,9%), в отраслях строительства и производства строительных материалов (10,4%), пищевой промышленности (13,4%) и розничной торговле (12,2%).

На основе обобщенных данных мониторингового исследования В.Ворона разработал концепцию классовой структуры украинского общества, благодаря применению которой выяснилось, что главным критерием социальной стратификации общества является участие в создании материального богатства нации, поэтому классовую структуру украинского общества объективно составляют два основных класса: производители и потребители [Ворона, 2010]. Класс, производящий материальное богатство нации, является социальной основой общества (класс производителей материальных благ). В него входят все участники материального производства — совокупная рабочая сила общества. Взяв за основу производства материальных благ такие отрасли, как энергетика, металлургия, горнодобывающая отрасль, химическая промышленность, фармацевтика, производство удобрений, машиностроение, транспорт, строительство, строительные материалы, сельское хозяйство, агробизнес, легкая промышленность (нефтегазовая сфера Украины пока представлена преимущественно трейдерами), можно утверждать, что среди собственников крупного частного капитала Украины 57% принадлежат к классу, который производит материальное богатство нации.

Напротив, к классу потребителей, а именно непроизводственному классу крупных собственников, компании которых предоставляют различные нематериальные услуги на коммерческой основе в финансово-банковской системе, в юридической сфере, в торговле (включая трейдеров как оптовых торговцев), в развлекательной сфере (спорт, шоу-бизнес), в сфере СМИ и телекоммуникаций и других, можно отнести 43% крупных собственников Украины.

Таблица 3

Отраслевая основа бизнеса крупных собственников Украины

Отрасли экономики	*N*	*%*
Нефть и газ	26	7,7
Энергетика	9	2,7
Металлургия, горнодобывающая отрасль	38	11,3
Химическая промышленность, фармацевтика, производство удобрений	7	2,1
Машиностроение	19	5,6
Транспорт	7	2,1
Финансы, банковское дело	40	11,9
Девелопмент, недвижимость	14	4,2
Строительство, строительные материалы	35	10,4
Сельское хозяйство, агробизнес	25	7,4
Пищевая промышленность	45	13,4
Розничная торговля (ритейл)	41	12,2
Ресторанный бизнес	2	0,6
Спорт, шоу-бизнес	2	0,6
Медиабизнес, телекоммуникации, ИТ	12	3,6
Юридическая сфера	8	2,4
Легкая промышленность	7	2,1

Более успешным, по сравнению с попыткой выяснить социальное происхождение собственников крупного частного капитала, было выяснение их способов создания капитала. Лишь в отношении 8,9% отобранных биографий украинских капиталистов не удалось найти такую информацию (см. табл. 4). Оказалось, что в наибольшей степени украинским крупным собственникам присущ способ создания бизнеса с нуля: 43% крупных собственников “сделали сами себя”. Следующим по наполненности категории является “менеджеральный” способ — 14,5% приобрели собственность, пройдя путь от руководителя подразделения до топ-менеджера. Однако если суммировать все номенклатурные или “силовые” способы, то общая масса их составит 26,2%. Таким образом, более четверти состояний украинских крупных собственников по происхождению можно отнести к номенклатурным и “силовым”. Кроме того, в структуре крупных собственников появился слой людей (7,4%), которые начинают получать собственность по наследству или через родственные связи.

Таблица 4

Способы создания капитала крупных собственников Украины

Способы создания капитала	*N*	*%*
Должность руководителя или заместителя руководителя советского предприятия (“красный директор”)	40	11,9
Принадлежность к номенклатуре в советские времена	25	7,4
Принадлежность к властной номенклатуре в период независимости	13	3,9
Принадлежность к силовым органам в годы независимости (армия, СБУ, милиция, прокуратура)	10	3,0
Наследство, родственные связи	25	7,4
Создание бизнеса с нуля (кооперативы, предпринимательство, челночная торговля)	145	43,0
Менеджеральный (путь от руководителя подразделения до топ-менеджера в годы независимости)	49	14,5
Нет данных	30	8,9

Если учесть возрастную структуру слоя крупных собственников Украины, исходя из их способов создания капитала, то в общем массиве лиц с номенклатурным и “силовым” прошлым в наибольшей мере представлены люди “старших” возрастных когорт: от 51 до 60 лет (42%) и 61 год и старше (45,4%). Среди тех, кто создавал свой бизнес с нуля, наоборот, оказалось больше всего людей в возрасте от 41 до 50 лет (53,1%) и от 51 до 60 лет (31%). Среди людей, приобретших капитал “менеджеральным” путем, больше всего лиц находятся в возрастных когортах от 41 до 50 лет (42,8%) и от 51 до 60 лет (36,7%). Вполне ожидаемо, что люди, получившие крупный капитал по наследству или через родственные связи, больше всего представлены в относительно “младшей” и “средней” возрастных категориях: от 31 до 40 лет — 44% и от 41 до 50 лет — 40%.

Несмотря на то, что номенклатурный слой не стал единственным и даже главным субъектом общественно-экономических преобразований и дальнейшего общественно-экономического развития, все же большинство крупных собственников склонны находиться в политическом пространстве Украины (см. табл. 5). Только 32,9% крупных собственников не имеют опыта государственной или политической деятельности за годы независимости, тогда как две трети из них в определенной мере вовлечены в нее. Членами политических партий являются или были 31,8% украинских капиталистов. Оказалось, что 41,8% собственников крупного капитала имеют парламентский опыт; 25,8% — имеют опыт депутатства в местных советах. Кроме того, 8,6% крупных собственников имеют опыт государственной службы в центральных органах власти, а 9,5% — в региональных органах власти.

Если проанализировать опыт политико-административной деятельности двух наибольших групп по способам создания капитала, то среди людей с номенклатурным и “силовым” прошлым шире всего (56,8%) представлены действующие и бывшие депутаты Верховной Рады Украины, члены политических партий (27,3%) и депутаты местных советов (25%), тогда как среди бизнесменов, “сделавших себя сами”, больше всего тех, кто не имеет

опыта государственной или политической деятельности (42,8%), хотя немало и тех, кто имеет опыт пребывания в политической партии (33,8%), в украинском парламенте (29,6%) и местных советах (26,2%).

Таблица 5

Личный опыт государственной или политической деятельности за годы независимости среди собственников крупного капитала Украины

Опыт государственной или политической деятельности	*N*	*%*
Депутат областного, городского, районного совета	87	5,8
Депутат Верховной Рады	141	41,8
Госслужащий в региональных органах власти	32	9,5
Госслужащий в центральных органах власти	29	8,6
Членство в политической партии	107	31,8
Не имеет такого опыта	111	32,9

Примечание. Сумма процентов превышает 100, поскольку крупный собственник мог иметь опыт в нескольких видах политической и государственной деятельности.

Выводы

Подытоживая, приходится констатировать, что предположение касательно отсутствия весомой доли номенклатурного и “силового” происхождения капиталов среди крупных собственников Украины в целом подтвердилось. Это стало возможным, поскольку запоздалая по сравнению с Россией приватизация стратегических предприятий и земли позволила украинским финансово-промышленным группам, объединившим наиболее талантливых предпринимателей и кооператоров вместе с уголовными элементами, аккумулировать финансовые ресурсы. Поэтому в отличие от залоговых аукционов в России в начале 1990-х годов, когда крупную собственность передавали преимущественно в руки комсомольской номенклатуры, отставание темпов приватизации в Украине дало возможность мелким украинским компаниям обеспечить себе коррупционный патронат региональных властей и взять под контроль источники масштабной ренты.

Вторым важным фактором оказался поход крупного бизнеса в большую политику Украины, что в 2000-х в России стало невозможным, поскольку с приходом к власти В.Путина в экономической и политической сферах существенно возросло влияние “силовиков” (военных и представителей органов безопасности). Если доля “силовиков” в российской бизнес-элите увеличилась с 11,2% в 1993 году при Ельцыне до 25,1% в 2002 году при Путине [Kryshtanovskaya, White, 2003], то в Украине в данное время эта доля среди крупных собственников достигает лишь 3%. Учитывая довольно солидный возраст крупных собственников Украины с номенклатурным и “силовым” прошлым, их влиятельность со временем нивелируется, тогда как среди тех, кто создавал свой бизнес с нуля, оказалось больше всего людей продуктивного возраста — от 41 до 60 лет. Оживление политической жизни в Украине в течение 2000-х годов заставило окунуться в нее большинство крупных собственников. Об этом свидетельствует то, что 41,8% украинских капиталистов сейчас являются либо были депутатами высшего законодательного

органа страны, а две трети в той или иной степени имеют опыт политической или государственной деятельности. Наконец, начиная с 2010 года крупнейшие собственники Украины в классическом олигархическом стиле захватили власть в Украине, подчинив себе политический класс (подр. см.: [Рахманов, 2012b]).

Тот факт, что подавляющее большинство украинских капиталистов составляют люди, приобретшие первоначальный капитал, создав свой бизнес с нуля или путем карьерного продвижения — от руководителя подразделения до топ-менеджера, решающим образом повлиял на формирование классового сознания крупных собственников Украины. В отличие от своих российских коллег, которые все чаще осознают условный характер обладания приватизируемыми активами в силу номенклатурных механизмов их получения, сложный, тернистый и нередко криминальный путь первоначального накопления собственности украинскими крупными собственниками, необходимость ее защиты от хищнических инстинктов своих коллег и чиновников, длительное участие в бурной политической жизни, научившей их отстаивать свои интересы некриминальными средствами, близость к европейской правовой системе и перспектива будущего вхождения в нее Украины сформировали четкое осознание приватизированной ими собственности как своей и исключительно своей.

Источники

Вебер М. Протестантська етика і дух капіталізму / Вебер М. ; пер. з нім. О. Погорілого. — К. : Основи, 1994. — 261 с.

Ворона В. Клас, що виробляє матеріальне багатство нації (Замість передмови) / В. Ворона // Українське суспільство 1992–2010. Соціологічний моніторинг / за ред. В. Ворони, М. Шульги. – К. : ІС НАНУ, 2010. – С. 3–22.

Дубровський В. Рушійні сили небажаних реформ: уроки українського перехідного періоду / [В. Дубровський, Я. Ширмер, В. Грейвс-Третій, Є. Головаха, О. Гарань, Р. Павленко] // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2010. — № 1. — С. 56–72.

Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека / Зомбарт В. — М. : Наука, 1994. — 444 с.

Зоткін А. Стилі життя правлячої еліти України / А. Зоткін // Стилі життя: панорама змін / за ред. М.О. Шульги. — К. : ІС НАНУ, 2008. — С. 98–156.

Крыштановская О.В. Трансформация бизнес-элиты России: 1998–2002 / О.В. Крыштановская // Социологические исследования. — 2002. — № 8. — С. 17–49.

Крыштановская О. Путин вернется, как дон мафии [Электронный ресурс] / О.В. Крыштановская. — Режим доступа : http://www.svpressa.ru/politic/article/38451/.

Крыштановская О. Современные концепции политической элиты и российская практика / О. Крыштановская // Мир России. — 2004. — Т. XIII, № 4. — С. 3–39.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1, кн. 1 : Процесс производства капитала / Маркс К. — М. : Госполитиздат, 1955. — 905 с.

На обід дракону. Як воно, продатися китайській компанії? // Український тиждень. — 2010. — № 47 (160), 19–25 листоп. — С. 54–57.

Пасхавер О. “Великому капіталу невигідно втратити такий об’єкт, як незалежна країна”. Спілкувався Петро Андрусечко // Український журнал. — 2008. — № 7–8. — С. 18–21.

Поднебесный бум // Корреспондент. — 2012. — № 8 (496), 2 марта. — С. 7.

Рахманов О.А. Формування політичної суб'єктності власників крупного капіталу в Україні / О.А. Рахманов // Вісник Національного технічного університету України "Київський політехнічний інститут". Політологія. Соціологія. Право : зб. наук. пр. — 2012b. — Вип. 1 (13). — С. 48–56.

Рахманов О. Соціальна верства власників великого капіталу в українському суспільстві: проблема фіксації кількості / О. Рахманов // Соціальні виміри суспільства ; вип. 4 (15). — К. : ІС НАНУ, 2012a. — С. 190–203.

Регіональні князьки та королькі // Коментарі. — 2008. — № 16–17 (123), 2 трав. — С. 2–31.

Селеньи И. Построение капитализма без капиталистов. Образование классов и борьба элит в посткоммунистической Центральной Европе / Селеньи И., Эял Г., Тоунсли Э. – К. : ИС НАНУ ; Харьков : ХНУ им. В.Н. Каразина, 2008. — 320 с.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов : в 2 т. / Смит А. — М. : Наука, 1993. — 570 с.

Хто є хто в Україні [9000 біогр. довідок про держ. та громад. діячів / [уклад. і ред. Ю. Марченко, О. Телемко]. — К. : К.І.С., 2007. — 1136 с.

Цюпин Б. Супербагатії успадковують Землю / Б. Цюпин // Український тиждень. — 2011. — № 43 (208), 21–27 жовт. — С. 40–43.

Шульга М. Етапи становлення політичної еліти в Україні в роки незалежності / М. Шульга // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2006. — № 4. — С. 24–37.

Явлинский Г. Отделить власть от собственности [Электронный ресурс] / Г. Явлинский // Ведомости. — 2012. — 2 апр. — Режим доступа : http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1588231/otdelit_vlast_ot_sobstvennosti.

Armstrong S. The Super-rich Shall Inherit the Earth : The New Global Oligarchs and How They're Taking Over Our World / Armstrong S. — L. : Constable and Robinson, 2010. — 242 p.

Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties / Bell D. — Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 2000. — 501 p.

Berle A.A. The Modern Corporation and Private Property / A.A. Berle, G.C. Means. — New Brunswick ; New Jersey : Transaction Publishers, 1991. — 380 p.

Dahrendorf R. Class and class conflict in industrial society / Dahrendorf R. — London : Taylor & Francis, 1972. — 336 p.

Gilbert D. The American Class Structure in an Age of Growing Inequality / D. Gilbert. — 8th ed. — Thousand Oaks, California : Pine Forge Press, 2010. — 297 p.

Hankiss E. East European Alternatives / Hankiss E. — Oxford : Clarendon Press, 1990. — 319 p.

Hurun Rich List Series 2010 [Electronic resource]. — Mode of acces : http://www.hurun.net/listreleaseen512.aspx.

Kocka J. Industrial Culture and Bourgeois Society: Business, Labor, and Bureaucracy in Modern Germany, 1800–1918 / Kocka J. — N. Y. : Berghahn Books, 1999. — 325 p.

Kryshtanovskaya O. Putin's Militocracy / O. Kryshtanovskaya, S. White // Post-Soviet Affairs. — 2003. — Vol. 19, № 4. — P. 289–306.

Staniszkis J. The dynamics of the breakthrough in Eastern Europe: the Polish experience / Staniszkis J. — Berkeley : University of California Press, 1991. — 303 p.